

УДК. 123.1

Недугова И.А.

Южно-Уральский государственный университет (филиал в г. Миассе)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРНЫХ ДИССИПАТИЙ И ИЛЛЮЗИЙ СОЗНАНИЯ

I. Nedugova

South Ural State University (a branch in the city of Miass)

THE RELATIONSHIP BETWEEN CULTURAL DISSIPATIONS AND ILLUSIONS OF CONSCIOUSNESS

Аннотация. В статье представлен авторский подход к анализу культурных процессов. Дано определение диссипативных процессов в культуре. Автор определяет динамику динамических систем, находящихся в состоянии, удаленном от равновесия, формирует диссипативные процессы. Иллюзорное сознание есть результат смешения выраженных в сознании предметных уровней человеческого бытия (принятие одного за другой). В статье представлена классификация диссипативных процессов в культуре на основе степени распылений культурных процессов. Автор представляет целостную систему философской рефлексии диссипативных процессов в культуре и причин формирования иллюзорного сознания.

Ключевые слова: культура, диссипатия, сознание, иллюзии, предметность.

Abstract. This article presents the author's approach to the analysis of cultural processes and her definition of a dissipative process in culture. The author determines the dynamics of the dynamic systems which are in non-balanced condition and forms the dissipative processes. The illusory consciousness is the result of confusing the material layers of human existence reflected in consciousness (taking one for another). The article also presents the author's classification of dissipative processes in culture based on the degree of scattering of cultural processes. The author introduces the integral system of philosophical reflection of dissipative processes in culture and the reasons for illusory consciousness formation.

Key words: culture, dissipation, consciousness, illusions, objectness.

Тенденции развития современной культуры складываются так, что в сознании данные процессы отражаются как враждебные сознанию или порождающие иллюзии сознания. Для анализа культурной динамики выработаны две основные теоретические модели – эволюционная (линейная) и циклическая. И с позиции эволюционизма (Г. Спенсер, Э. Тейлор, Дж. Фрезер, Л. Морган) [14; 15; 17; 10], и с позиции циклического подхода (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев) [18; 16; 4; 7; 2], развитие культуры рассматривается скорее как поступательное движение от первоначального к зрелому развитию и заканчивающееся угасанием, разумеется, с различными критериями такого развития. В рамках нашей же работы рассматриваются культурные процессы на основе нелинейного подхода. Сочетание философской рефлексии предметных форм сознания с принципами изучения внутренней динамики сложных систем позволяет выработать действенный подход к анализу взаимной зависимости культурных процессов и сознания.

Целью нашей работы стало рассмотрение наиболее сложных процессов культурного существования — это диссипативные процессы.

Задачами исследования являются:

- исследовать природу диссипативных процессов в культуре;
- концептуально представить специфику взаимосвязи диссипатий культуры и иллюзорного сознания;

- исследовать механизм формирования диссипативных процессов в культуре;
- представить концептуальную модель философской рефлексии диссипативных процессов.

Динамика динамических систем, находящихся в состоянии, удалённом от равновесия, формирует диссипативные процессы. К этим процессам обычно относятся процессы рассеяния, т. е. превращения энергии в менее организованную форму, которые обычно трактуются как необратимые.

Причинами появления диссипативных явлений в культуре являются колебательные процессы системы культуры. Данные процессы имеют две формы.

Процесс растяжения системы культуры – это процесс, при котором уровни предметности (вещи, знаки, символы и неопредельные знаки) сближаются настолько, что подменяют друг друга.

Процесс растяжения – это процесс, при котором каждый предметный уровень содержит в себе переходные формы. Вещь – не просто вещь, а имеющая определённые признаки: территориальные, этнические, смысловые, символические. Обозначение чего-либо формируется в разнообразных, гипертрофированных формах. Порождение последнего времени – демотиваторы как форма псевдофилософствования на принципах иронии, порождающая иллюзию некоего смысла, понятного всем, но при этом и скрытого от всех. Ускользающий знак, неуловимый символ, бесформенная вещь – вот признаки данного этапа. Все диссипативные процессы в культуре так или иначе порождают иллюзии сознания. Иллюзорное сознание есть результат смешения выраженных в сознании предметных уровней человеческого бытия (принятие одного за другой). В процессе опредмечивания формируется иерархия предметных уровней: вещь – знаки – символы – неопредельные знаки. Каждый последующий уровень обладает большей степенью истончения предметности (Платон, Г. Гегель) [11; 1, 391].

Диссипативные процессы в культуре имеют три стадии:

1) первая стадия характеризуется эффектом дисбалансирующей противоречивости культурных явлений;

2) вторая стадия содержит в себе предпосылки «выпрыгивания из сознания и из культуры», системное отрицание культуры и сознательности;

3) третья стадия – это открытое отрицание культуры через её разрушение и, тем самым, «катарсис» сознания.

Стадия первая. Диссипативные процессы в культуре, порождаемые многообразным рассеиванием, порождают закономерное замещение, наложение друг на друга, подмену культурных явлений.

Возникает ситуация, что всё уже сказано, что нет ничего нового, всё лишь цитирование, повторение, рефрен. Современное искусство отвечает на это единственным способом актуализации – иронической серьёзностью. Это становится последней возможностью вырваться из контекста, сохраняя контекст. Так, например, Ф. Рам, создавший инсталляцию «Внутренность погоды» (2008) [19], представил зрителям белую камеру с помещённой в ней осветительной аппаратурой. Новое искусство порой прячется за материалом от необходимости дать осмысление реальности. Надежда, что материал сам создаст имя, оправдывается нечасто: субстанция выглядела аналогом субъекта только с ушедших на дно жидкой современности высот метафизики. Производство способно к созданию собственной онтологии, намечая возможный мир, эфемерный и неповторимый, не связанный с местной идентичностью. Нередко автор оставляет форму произведения открытой (Н. Кенелл: инсталляция «Случай тоскующей скотины» (2007) представляет собой 250 литров воды, ведра, тазы, кастрюли, паропроизводящие машины, акриловая краска на куске полиэтилена [19]). Быстрое восприятие, сводя произведение к высказыванию, отрывает произведение от собственно процесса про-из-ведения, рассеивая

эффект искусства на массовых форматах потребления. Требование быстрочитаемости заменяет эффект на театральный трюк и рекламный слоган. Диссипативный процесс формирует гиперсимволический взгляд на произведение, замечающий лишь нейтрально-популистские темы: «прозрачность», «сила», «пространство». Отличительная черта диссипативных в эпоху постмодерна – это их вездесущность в культуре. Сегодня даже забытый на полу в галерее зонтик выглядит как искусство. При диссипативном состоянии системы любой товар неотличим от знака, знак неотличим от вещи. В идеале архитекторы XX в. не отражали отличия между внешним и внутренним пространством, между стеной, полом и потолком, между горизонталью и вертикалью.

Стадия вторая. Как известно, при воздействии на систему в последней возникает сопротивление. Чем сильнее воздействие, тем сильнее сопротивление. После воздействия система, наоборот, сопротивляется, продуцируя силу первоначального воздействия. Возможно, в этом лежит причина культурной аномалии. Так и в культуре происходит намагничивание на определенное воздействие. Ситуация изменяется, а система продолжает продуцировать прежнее поле. То есть причина кризисности культуры лежит не в культурных универсалиях, а в инверсионном поле. Культурные универсалии не устаревают, а просто инверсионное поле не совпадает по вектору с системой. Искусственное сжатие или вытягивание одной из частей ведёт к возникновению сопротивления. Так, получается, стремление принизить высокое и возвысить низкое – не в природе человека, а есть просто закон развития любой системы. Можем ли мы вычленить данный процесс в культуре? Прослеживается ли данный процесс применительно к отношению часть – целое? Культура, являясь системой, испытывает ли воздействие со стороны части себя?

Можно выделить две тенденции: «бегство от культуры» и «бегство от сознания». Согласно концепции психофизического вза-

имовливания, негативный опыт рефлексии есть признак дисбаланса к предметной деятельности.

Нарушение структуры отражения сознанием культуры отражается в перемещении акцентов в праксеологическом аспекте. Асимметрия трех родовых видов деятельности связана со степенью их реальных преобразующих возможностей. В среднем, последние наиболее высоки у материально-практической деятельности. Следующей по этому критерию является социально-технологическая деятельность, а на третьем месте располагается духовно-теоретическая деятельность.

Предметность и предметная деятельность, так или иначе, неизбежно транслируется во всех видах деятельности человека, но только замкнутость в этом предметном круге (предметном – знаковом – символическом) становится основой иллюзорности сознания. Некоторые объекты представляются в сознании только как объекты, но при этом они же при других условиях и вне зависимости от того, как они воспринимаются, могут характеризовать в нашем сознании как совсем иные (иначе «окрашенные»), потенциально «другие» предметы. Таким образом, в естественной установке повседневной жизни нас занимают лишь некоторые объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта. Результат избирательной активности нашего сознания – выделение индивидуальных и типических характеристик объектов.

Культура постмодерна сменяется новой архаикой. В отличие от многофакторных символов постмодерна, символы новой архаики носят более мистический характер. Восхождение к непределённому уровню предметного бытия осложняется редуцированным, подменной вещественной или знаковой формой. Именно поэтому в современном массовом тезаурусе особое место занимают жанры, представляющие современному человеку уникальную возможность опредмечивания коллективных фобий, чаяний,

надежд, ожиданий и изживания их через осмеяние, пародирование, снижение статуса, профанирование или же идентификацию с их персонажами. Преобладающее большинство из этих жанров выступает как совокупный современный миф со всеми его атрибутами и особенностями оформления. В данном случае – «бегство от сознания» – в культуре проявляется новая архаика.

Стадия третья. Переход к третьей стадии диссипативного развития сопровождается отрицанием культуры самой себя. Данное отрицание может быть прямым, а может выступать в форме искажённого, упрощённого повторения. Как, например, присутствующая формальность этнических мотивов, граничащая с примитивизмом. Ещё одним поворотным моментом является выпячивание какой-либо одной черты культуры, возводящая её в стадию гротескного отрицания. Выходцы из французских колоний, взяв за основу существования в инородном поле культуры принципы французской свободы, ожидают полного воплощения данного принципа по отношению к себе извне, при этом внутри этнических сообществ живут по традиционным правилам. Е. Деминцева отмечает: «Иногда, видя, что самим справиться с отбившимися от рук отпрысками им не под силу, родители – «магрибинцы» отправляют детей на «историческую родину», якобы на каникулы, а затем забирают у них документы, оставляя там «на перевоспитание». Чаще всего, такие приемы применяются к девушкам» [5].

Ещё одно противоречие, влекущее иллюзорность сознания и разрушение культуры – это межличностные отношения. Ведя беспорядочную сексуальную жизнь, люди продолжают культивировать парные связи и испытывать соответствующие ожидания верности, взаимного уважения и т. п.

Черты последней стадии диссипативного развития культуры можно наблюдать в феномене «Серебряного века» начала XX в. Иллюзия культуры заключалась в самом факте русского религиозного Ренессанса, построенном на отрицании самой жизни, культе

умирания (декаданс). Культурная диссипатия проявилась как двойное отрицание или отрицание второго порядка, при котором первоначальные связи, меняя направленность, вновь отрицаются, как неструктурные, и приводят систему в равновесие. Равновесие упрощающихся культурных систем достаточно условно. В системах – сжатие культуры. Внешняя составляющая заменяет собой внутреннюю. Вещественная сторона культуры замещает собой символическую и знаковую. Так же и в неравновесных психологических системах (включающих и внеязыковую реальность) в момент взрыва, бифуркации, определяющим фактором будущего развития является не случайное, а вполне закономерное движение. Естественным является процесс, при котором возмущение внешней среды провоцирует реакцию в психической системе, и наоборот. Культура, как самый важный адаптивный механизм человека, в данной ситуации выступает с обратной ролью, ролью разрушения возможности адаптации. Изменчивость культуры идёт одновременно с изменчивостью личности. Однако следует заметить, что этот процесс, как правило, описывался как каузальная зависимость изменения формы культуры, которое порождает изменение личности.

Человеческое бытие и есть не что иное, как способ целесообразного, деятельного отношения к объективному миру, т. е. оно есть осознанное бытие. Открытая система должна быть достаточно далека от точки термодинамического равновесия (Ю.М. Лотман, И. Пригожин) [9; 12]. В точке равновесия сколь угодно сложная система обладает максимальной энтропией и не способна к какой-либо самоорганизации. В положении, близком к равновесию и без достаточного притока энергии извне, любая система со временем ещё более приблизится к равновесию и перестанет изменять своё состояние.

Закключение.

В сознании процесс диссипатий выражается в иллюзорное сознание. Главным критерием сознания называется деятельность в предметном значении. Процесс опредмечи-

вания – распремечивания раскрывается через социальное взаимодействие. Значимый для всех образ действия (со-действия) – это и субъективный образ предмета, на который данное действие направлено; это и чувственно-предметное отражение его объективной роли в общественной жизнедеятельности человека. И именно на основе всеобщего значения предметных образов действительности человек способен корректировать сам свою жизнедеятельность, предваряя её осуществление общественно значимым образом того её результата, который разрешил бы противоречия реальных условий его, человека, жизни. Обязательным сопутствующим элементом деятельности является целеопределение. Опредемечивание – распредемечивание выстраивается через идеализацию. Иными словами, идеальное представление о будущем, предшествующее каждому отдельному виду деятельности и мотивирующее её, формируется на основе общих всем значений предметов, средств и способов деятельности, в которых отражено и выражено знание закономерностей объективного мира. В сознании в отношении средств и форм культуры происходят два противоположных процесса: сужение и расширение. В крайних точках может проявляться пограничность сознания. Естественно, важна роль влияния социальной среды на сознание человека. Использование идеи о барьере психической адаптации и составляющих его механизмах может содействовать более чёткому интегрированному представлению о психической деятельности. Именно в барьере психической адаптации как бы сосредоточиваются все потенциальные возможности адекватной и целенаправленной психической деятельности.

Процесс, при котором происходит перемешивание в сознании различных предметных уровней, можно определить как процесс растяжения культурного поля или же обратный процесс сжатия. Во время растяжения структуры культуры «переворачивается» иерархия предметной деятельности. На место вещи встаёт символ. Достаточно «говорить, а не делать», «казаться, а не быть», «обозна-

чать, а не значить». Плоскостное же время – обратный процесс, при котором вещь становится на место символа и неопредельного знака. Отсюда возникает ощущение «конца истории». В пространстве времени важнейшим становится не его течение, а вовсе не присущая ему значимость.

Другая оценка истории присуща стадии диссипативных изменений. История обретает «конец», утрачивает в сознании потенцию развития. Конечность бытия есть проявление сознательной невозможности распредемечивать, предметного несопрокосновения сознания и культуры. Диссипативная стадия – это стадия окончательного «выскакивания» сознания из культуры, да и из самого сознания.

В момент кризиса, когда система неустойчива, осуществляется наиболее интенсивное «общение» между уровнями – резонансная синхронизация ритмов, специфических для систем разных иерархических уровней. Вообще, «встряска» системы, выброс энергии способствуют тому, что происходит скрепление «дальнеродственных» связей и рождение новых структур. Становление и неизбежно сопровождающий его синтез – это процесс творчества в самом широком смысле слова. Кризисные периоды в истории культуры декларативно тяготеют к синтезу. Сопоставляя эпоху Ренессанса и советскую культуру 30 - 50 гг., А. Лосев писал: «Острые противоречия общественных отношений каждой из эпох не могли не отразиться и на общественной природе художника, рождая драматизм не только его творческого, но и идейно-философского пути» [8]. «Наслоение культурных практик является причиной того, что с развитием истории уровень энтропийности (избыточности) элементов, входящих в состав конкретного типа культуры, возрастает» [6].

Рефлексия над иллюзорным сознанием предполагает учёт предметных уровней бытия. Анализ процессов культурного функционирования и развития позволит выработать систему ценностных ориентиров, направленных на сохранение сознательных процессов в культуре. Детальное рассмо-

трение диссипативных процессов позволит разработать механизм преодоления кризиса сознания.

Однако разнонаправленность культурных процессов сама по себе является, на наш взгляд, элементом стабилизации системы культуры. Проявление крайней стадии диссипативного развития, конечно же, возможно, но, как правило, сглаживается другими культурными процессами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. 800 с.
 2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. 490 с.
 3. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1992. – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С.-Петербург: Глаголь, 1995. – 549 с.
 4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С.-Петербург: Глаголь, 1995. 549 с.
 5. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции // Новое литературное обозрение. 2008. С. 89-100.
 6. Кривцун О.А. Эволюция художественных форм: Культурологический анализ. М.: Наука, 1992. – 533 с.
 7. Леонтьев К. Византизм и славянство. // Восток, Россия и Славянство. Т. 1. М., 1885-1886. 649 с.
 8. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. 688 с.
 9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992. 687 с.
 10. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. Л.: Издательство института народов Севера и ЦИК СССР, 1934. 462 с.
 11. Платон. Диалоги. Сочинения в 4 х.т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. 607 с.
 12. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46
 13. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
 14. Спенсер Г. Философия и религия. Природа и реальность религии. М.: Проспект, 1988. 896 с.
 15. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. 460 с.
 16. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. / Пер. с англ. М., 2002. 688 с.
 17. Фрезер Дж. Золотая ветвь / Перевод с англ. С.А. Токарева. Лондон, 1922. 358 с.
 18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 2004. 543 с.
 19. Шурипа С. Производство искусства как эффект когнитивной оптики // Художественный журнал, 2009.–Арриги Дж. Глобализация и историческая макросоциология// Прогнозис, 2008. №2 (14). С. 57-72.
-